

Он ушел победителем

Из выступлений на панихиде Элема Климова

Армен Медведев: В те годы, когда мы были молоды, был в моде роман Хемингуэя «По ком звонит колокол», и в памяти осталась бессмертная фраза: «Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе». Тогда, 45 лет назад, это воспринималось как страшноватый, но красивый образ. И еще одно литературное воспоминание о тех годах. Тогда было модным, читаемым, повторяемым стихотворение про физиков и лириков — кто из них важнее. А тогда как раз время собирало лучших в сфере лирики. И на рубеже 50-60-х авиастроитель Элем Климов решил уйти в кино, как уходили тогда в творчество люди из науки, техники и самых разных областей. И в самом творчестве рождалось то, что потом назовут поколением шестидесятников. Последний раз этот мощный, блистательный, трагический человек, уже признанный мастер кинематографа, свершивший то, что мы еще не осознали, собрал нас где-то в районе Патриарших прудов в 95-м году на открытие мемориальной доски на доме, где жил его друг, человек, переживший с ним взлет на картине «Иди и смотри», Алесь Адамович. Я смотрел на Элема, сидевшего уже без работы, и было странное ощущение: почему же наша страна решила обойтись без этой мощной нравственной опоры, которую составляли и составляют эти люди, среди которых и Элем? То, что происходило в последние годы, V съезд кинематографистов и перестройка в кино — было нашим счастьем, нашей судьбой. А потом Элем все плотнее прикрывал створки дверей в свой мир. У меня годы и месяцы необщения с Элемом перемешались какими-то часами откровения с его стороны. Это был трагически насыщенный, интеллектуальный человек уникального достоинства, кристальной чистоты, честности, несуетности. Поэтому не надо говорить, что мы его забыли в последние годы — это он нас к себе не пускал. Нужно и его понять, и свою вину найти. Элем крайне редко появлялся в последнее время на общественных мероприятиях, мы редко его видели и слышали, но при этом подсознательно сохранялась оглядка на Климова: а что бы он сказал в этой ситуации, а как было бы и как стало потом? Думаю, что и дальше он будет беспокоить нас, как Россия беспокоит весь мир, как беспокоит борьба честного и нечестного в нашем кино. Имя Элема Климова, я в этом убежден, забвению не подвластно. С тем говорю ему последнее — «прости». Уверен, что те, кто сегодня пришли, это те люди, кому Элем с удовольствием протянул бы руку и с кем он с удовольствием бы пообщался. Мы вместе сегодня проводим его из Дома кино, в котором он провел не одно десятилетие в разных ипостасях. Это наша и ваша потеря.

Андрей Смирнов: Ни пресса, ни кинокритики не могут передать масштаба его таланта. Это был живой классик. Его ниша, его место абсолютно уникальны. Я увидел его когда-то в коридоре ВГИКа и влюбился в него, как юноши влюбляются в старших мужчин. Это был очень кра-

сивый молодой мужик со смеющимися глазами, со своеобразным юмором. Спортивный, прекрасно игравший в баскетбол. Он был по первому образованию технарем, лидером художественной самодеятельности такого гиганта, как МАИ, где самодеятельность была чрезвычайно успешной. И вот с этим красавцем, выросшим в семье крупного партийного функционера, происходит чудо — его первая же учебная работа «Жених» прошла по многим фестивалям, нахватало множество премий. Это вызвало невольную зависть у нас, его товарищей. А первая же его большая работа оказалась сатирой — да какой сатирой! Сегодня этот фильм — «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен» — абсолютная классика. При том воспитании, которое Элем получил, а считал он себя искренним идейным коммунистом, было поразительно, что в первом своем фильме он нарисовал пусть и вызывающую смех, но картину концлагеря. Думаю, не ошибусь, если скажу, что блистательно сыгранный Евстигнеевым товарищ Дынин встал в один ряд с образами коммунистов в нашем кино, о которых много писала критика — я имею в виду те единственные попытки говорить критически о режиме, о правящей партии: это Огурцов из «Карнавальная ночь», Бывалов из «Волги-Волги». Единственной целью своей жизни Климов считал необходимость говорить своим коллегам то, что думает, и был при этом беспощаден. Поражала удивительная плотность кинематографического текста в его картинах, абсолютное отсутствие советского фееризма в них, без бегания девушки в газонном шарфе по лесу с молодым человеком. И только потом стало понятно, что это человек, способный делать серьезные, потрясающие вещи. Это стало видно уже после того, как они с Марленом Хуциевым и Германом Лавровым доделали фильм Михаила Ромма «И все-таки я верю», с необычайной силой раскрыв его замысел. Климов, при всей своей коммунистической юности, последовательно отстаивал то, что считал нужным — правду. Так же бескомпромиссно он стоял и в стенах Дома кино, куда попал дебютантом и откуда вышел Первым секретарем Союза кинематографистов. И каждый из вас, кто оказался с ним в тот момент, будет до смертного часа гордиться тем, что ему повезло и выпала такая часть. Я помню, как после V съезда на первом заседании Правления в Белом зале Элем сказал: «В том, что касается защиты картин, защиты искусства, защиты художника, мы будем бескомпромиссны», и повторил: «Бескомпромиссны!». И действительно, целый кинематограф вернулся с «полки». Так же легко и просто, как он встал во главе кинематографической бригады в годы перестройки, он ушел из общественной и светской жизни. Элем ушел из шумной тусовки в частную жизнь на волне славы, и это тоже был поиск свободы. Это был настоящий романтик. Я

помню, как увидел гроб Ларисы Шепитько, убранный белыми розами, и сразу понял, кто был флористом, кто положил эти цветы. В память жены своей Элем воспитывал обожаемого сына, радость последних лет его жизни... Я сейчас смотрю на него и чувствую то же содрогание сердца, ту же любовь, что и прежде, когда видел и слышал его.

Юрий Любимов: Элемом его — вы чувствуете, как звучит это имя! — назвала мама. И не ошиблась. Натура говорит сама за себя. Мы удивлялись, что в аду он умел сохранять юмор, у него всегда были веселые глаза.

Юрий Корякин: Все, что принято говорить в таких случаях, сказано. Но я против сочувственных и злорадных речей о том, что Элем что-то не успел, и о том, что последние десять лет он был вне творчества. Хочу, чтобы когда появится книга о нем (а она будет), в ней было рассказано и о замыслах Элема. Да, в Писании сказано: «Судите людей по делам их». Но в той же книге есть фраза: «Сначала судите по замыслам». Замыслы Элема — а мне пришлось присутствовать при рождении многих из них — были чистые, глубокие, дерзкие, красивые. Это были настоящие художественные произведения: частью — произнесенные, частью — записанные. «Главное в человеке, — сказал Бродский в своей Нобелевской речи, — это замыслы». Замыслы Элема Климова были велики и гениальны.

Алексей Петренко: Он был моим родителем в кинематографе — редкий, красивый, русский, вселенский человек. Какое страшное испытание ему было и от судьбы и от людей! Его гноили в бездействии, но в духовном противостоянии этому проявились его сила и величие, он давал нам урок своим мужеством и выдержкой. Какая сумасшедшая фантазия у него была! Как он рассказывал о том, что не мог осуществить! С каким юмором! При этом — до ногтей мистик. Это был настоящий пророк. Мистический кинопророк с юмором. Потрясающий, неподражаемый и ни с кем не сравнимый. Прости нас, Элем, что никто не смог тебе помочь выйти из бездствия, что никто не раскрыл для тебя свои кошельки. Те люди, кто мог это сделать, наверное, не понимали, насколько это нужно, а те, кто понимал, этого не хотели. Прости. Прощай.

Юрий Богомолов: Говорят, что он снял всего шесть фильмов. А надо говорить: «Он снял целых шесть фильмов!».

Глеб Панфилов: Ушел Элем Климов, наш товарищ. Невольно окидываешь взглядом то, что он сделал. Он стал патриотом Родины 22 июня 1941 года. Говоря о нем, испытываешь интимное чувство — не для фразы, не для прессы, тем более, не для телевидения. Для ощущения себя в этом мире. И этим чувством пронизаны все его работы, начиная с первой, остросатирической, талантливой и кончая его великими трагедиями. Трудна жизнь режиссера в кино, это каждый знает. Недаром ее сравнивают с самыми тяжелыми и опасными профессиями. Самое сложное испытание ему выпало в последнее десятилетие, когда он выключился, перестал снимать и думал о том, что будет снимать дальше. Но снимать не удавалось, и здесь, мне кажется, трудности приобретают звенящий трагический смысл. В такой ситуации устоять, остаться самим собой, не предаться отчаянию, злобной ненависти на судьбу, на жизнь, могут только особые, крупные личности, каким был наш Элем Климов. Меня поразило, каким он в последние годы стал мягким, добрым, доброжелательным. Ушло желание показаться, что мы можем и лучше, которое является необходимым качеством в петушином возрасте. Остались доброта, любовь к друзьям, желание им помочь. Это его делало

мудрым и, по-моему, счастливым человеком, несмотря на трудности, которые ему выпали в жизни. Потому что он был человеком гармоничным, жил в ладу с самим собой. Материальное его никогда не интересовало, а в последние годы — особенно. Он жил напряженной, содержательной жизнью — Элем писал стихи. Мне кажется, это было высшим выражением гармонии, в которой он пребывал. Он ушел победителем.

Виктор Матизен: Я хочу сказать, чем для меня был Элем Климов. Было такое время, когда возникло ощущение, что в стране не осталось мужчин. Были только бабы в штанах, старики и дети. Элем был настоящим человеком. С прямой спиной. Он держался так, что было видно — он особый. Даже когда я увидел его в конце этого июля, когда он с трудом уже ходил и безумно исхудал, все равно спину он держал прямо, и вообще держался потрясающе. Его фильмы переворачивали душу. Я никогда не забуду, как смотрел фильм «Иди и смотри», кино, после которого выходишь другим человеком. Он был режиссером великой силы. Я бы даже сказал, потусторонней силы. Потому что за физическим миром для него открывался мир метафизический. Это было видно в глазах Элема — от него исходило магнетическое, гипнотическое обаяние. Могу представить, как это действовало на женщин. Он был призван к руководству Союзом кинематографистов в тот момент, когда только он мог это сделать. Он,

теоретически, мог отказаться, но он был мужчиной, а мужчина всегда принимает вызов. Он вызов принял. Но вызов, видимо, оказался выше человеческих сил. И все же Климов сделал то, ради чего он был призван. Когда я узнал, что Элем Климов будет Первым Секретарем союза, я понял, что теперь я буду печататься. А до этого у меня никакой надежды на это не было. Он проветрил Союз. И то дуновение свежего воздуха, думаю, все, кто пережил это, запомнят до конца своей жизни. С этим дуновением воздуха у меня всегда будет связано имя Элема Климова.

Вадим Абдрашитов: Все, что им сделано в кинематографе, мы все хорошо знаем. Не знает только тот, кто не хочет этого знать. Слова по поводу его романтизма и идеализма были сказаны справедливо. Хочу сказать вот о чем. Когда время — сложное и противоречивое — призвало Элема возглавить наше сообщество, он был единственным, кто мог это сделать. И он это сделал, оставив за скобками, казалось бы, главное для режиссера — свое творчество. Так же, как он был отдан целиком своему творчеству, так же целиком он отдал себя нашей общей жизни. Это время было сложное, в каком-то смысле романтическое. Таким же сложным и противоречивым романтиком был Элем. Мы, люди из самого первого Секретариата, знаем его прекрасные качества — бескорыстие, бесребреничество и абсолютную отдачу делу.

Когда мы говорим об Элеме, эти слова надо понимать буквально. Он работал тогда с утра до ночи, и ничто другое в жизни ему было не интересно. Он абсолютно отдался этому, был принципиальным и строгим, в первую очередь, к самому себе. Когда время изменилось, Элем ушел. Время изменилось, понадобились другие вожди... Я сегодня прощаюсь с Элемом, и думаю, что мы прощаемся с целой эпохой, с огромным куском нашей общей жизни. Хочу сказать, что нам всем повезло, что он в это время был с нами. Прощай, Элем. Спасибо. Прости.

Борис Бланк: Он был моим кино-отцом, он меня привел в кино, на «Мосфильм», в театр. Он для меня был всем. Поэтому мне даже трудно говорить о каких-то его качествах. Но могу сказать точно и ясно — это был единственный настоящий мужчина, которого я встречал в своей жизни. С сильным характером, не жалующийся, не хнычущий, умеющий держать удар и гордо уходить в самых сложных ситуациях от того, чтобы не предать себя, свои принципы. Когда он понимал, что чего-то не чувствует в этой жизни и что-то ему несимпатично, он уходил. Он умел ждать годами, пока не добьется именно того результата и того фильма, которые ему были нужны. Он был всегда немногословен. Когда фильм «Добро пожаловать...» получил третью категорию, он говорил мне: «Боря, главное — не паникуй. Все будет нормально, главное — держись, не сопливься». Это был красивый человек, жесткий, бескомпромиссный. Вопреки всему он делал то, что считал нужным.

Слова скорби

Глубоко скорбим о безвременной кончине любимого режиссера — Элема Германовича Климова. Его редкий талант, его чуткое сердце, его мужество и благородство остаются навсегда в нашей памяти.

Олег Табаков и коллектив МХАТ им. А.Чехова

Дорогие коллеги!

Кинорежиссеры Азербайджана скорбят по поводу кончины великого русского кинорежиссера Элема Германовича Климова и выражают глубокое соболезнование родным и близким, а также всем почитателям таланта великого мастера.

Это потеря не только для российского кино, но и огромная утрата для всех нас. Фильмы Элема Германовича Климова останутся с нами навсегда.

Президент Гильдии кинорежиссеров Азербайджана Эльдар Кулиев

Не стало биться сердце нашего друга, большого мастера кино, общественного деятеля, слово которого для нас, советских кинематографистов, имело особый смысл.

Не стало Элема Климова, творчество которого занимает особое место в истории нашего киноискусства.

Трагическая судьба, потеря супруги — незабвенной Ларисы Шепитько, мастера и яркой личности, наложила свой трагический отпечаток на всю последующую жизнь Элема. Никогда не изменив своей любви, он нес в своей душе тяжелеющий крест, не беспокоив окружающих.

В искусстве и в жизни Элем Климов был новатором, сыграв особую роль в пробуждении всего советского кинематографического пространства, в преобразовании Союза кинематографистов.

Элем был сильным, мужественным, принципиальный человек, но за этой кажущейся суровостью билось доброе, нежное сердце большого Художника.

Грузинские кинематографисты выражают свои соболезнования семье, близким, друзьям Элема, нашим коллегам — российским кинематографистам.

От имени Союза кинематографистов Грузии Эльдар Шенгелая

Союз кинематографистов Армении глубоко скорбит в связи с кончиной выдающегося кинорежиссера Элема Климова. Мы помним его как талантливого художника в сфере кинематографа.

Просим передать наши соболезнования семье покойного.

Союз кинематографистов Армении